№ 11. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Цѣна 15 к.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

10 Апрѣля. ГОДЪ ИЗДАНІЯ Iый. 1916 г.

Музыкальная команда 5-й Армянской дружины,

сформированной Кн. Аргутинскимъ-Долгорукимъ (среди нея одинъ доброволецъ—русскій).

МОСКВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на еженедѣльный общественно-политическій и литературный журналъ, посвященный вопросамъ армянской жизни

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

I-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Издаваемый въ Москвѣ Ив. Т. Амировымъ. При ближайшемъ участіи А. К. Дживелегова.

Великая европейская война еще разъ обратила вниманіе всего міра на армянскій народъ, который теперь гибнетъ въ Турціи за свое стремленіе къ европейской цивилизаціи и за свою преданность державамъ согласія. Небывалый доселѣ интересъ къ судьбамъ армянъ, къ ихъ безконечнымъ страданіямъ, наблюдается въ Англіи, во Франціи, въ С. Штатахъ, въ Швейцаріи, а также и у насъ—въ Россіи.

Но широкіе слои русскаго общества и до сихъ поръ мало знакомы съ армянами, съ ихъ прошлымъ, съ ихъ культурой, и нѣтъ въ Россіи ни одного органа на русскомъ языкѣ, посвященнаго исключительно всестороннему освѣщенію армянской общественно-національной жизни, отраженію нуждъ и потребностей армянъ.

Идя на встрѣчу этой неотложной потребности, неоднократно подчеркиваемой армянской прессой на Кавказѣ и многими общественными организаціями въ Россіи, группа московскихъ армянъ приступила къ изданію въ Москвѣ еженедѣльнаго журнала подъ названіемъ „АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Авсаркисовъ М. П., А-До, чл. Гос. Думы Аджемовъ М. С., Алавердянъ М. Я., проф. Арабажинъ К. И., Аракелянъ А. Б., Ахумовъ Н. М., Бабовъ А. С, Бальмонтъ К. Д., кн. Барятинскій В. В., Берберьянъ М., Брюсовъ В. Я., акад. Бунинъ И. А., Бунинъ Ю. А., Варандянъ Мих., Вермишевъ Х. А., акад. Веселовскій А. Н., Веселовскій Ю. А., Врацянъ С., проф. Гамбаровъ Ю. С., Гнуни И., Гордлевскій В. А., проф. Гредескулъ Н. А., Джабаръ М. А., кн. Долгоруковъ П. Д., Іоаннисянцъ Т. Н., Ивановъ Вяч. И. Кара-Мурза П. М., Кара-Мурза С. Г.. Карамянъ Н. Р., проф. Кизеветтеръ А. А., Кокошкинъ Ѳ. Ѳ., проф. Котляревскій С. А. Ледницкій А. Р., Лео; Микаэлянъ К., Чл. Гос. Думы Милюковъ П. Н., Назарьянъ Т. Я., прив. доц. Нерсесовъ А. Н., проф. Новгородцевъ П. И., Огановскій, Н. П., Чл. Гос. Думы Пападжановъ М. И., Папазьянъ В., Пираловъ А. С., Пономаревъ К. М., Чл. Гос. Думы Родичевъ Ф. И., Сакулинъ П. Н., Семеновъ Е. П., Сибирскій Ф., Сологубъ Ѳ. К., Старцевъ Гр., прив.-доц. Тотоміанцъ В. Ѳ., кн. Тумановъ Г. М., кн. Тумановъ К. М., Туманянъ Ов., Тыркова А. И., Ханазатъ Р., Цатуріанъ А. І., Чалхушьянъ Г. Х., Чубаръ Геворгъ, Шагинянъ М., кн. Шаховской Д. И., Чл. Гос. Думы Шингаревъ А. И., Чл. Гос. Думы Щепкинъ Н. Н., Яблоновскій С. и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ЯНВАРЯ 1916 ГОДА:

ВЪ РОССІИ: На годъ 5 р.; на 6 мѣс.—3 р. на 3 мѣс.—2 р. 25 к. На 1 мѣс.—75 к.; цѣна отдѣльнаго номера 15 коп.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЕ ЗА ОДИНЪ РАЗЪ:

Страница и части ея:	1/1 стр.	1/2 стр.	1/4 стр.	1/8 стр.	1/16 стр
а) обложка 2-я и 4-я стр.	75 руб.	40 руб.	25 руб.	15 руб.	10 руб.
б) позади тек. и 3-я стр. обл.	50 руб.	30 руб.	18 руб.	10 руб.	6 руб.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Москва, Остоженка, 2-й Ильинскій пер., д. 3. Телеф. 3-85-69.

Редакторъ-Издатель Иванъ Томасовичъ АМИРОВЪ.

№ 11. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ 1916 г.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 11.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вслѣдствіе пасхальныхъ праздниковъ очередной нумеръ „Армянскаго Вѣстника" выйдетъ 24 апрѣля, въ двойномъ размѣрѣ.

МОСКВА, 10 апрѣля.

Друзья армянскаго народа во Франціи, устроили митингъ, въ которомъ приняли участіе Анатоль Франсъ, Поль Дешанель, министръ Пэнлеве и цѣлый рядъ другихъ выдающихся дѣятелей. И Анатоль Франсъ, давній поборникъ освобожденія Турецкой Арменіи, вѣрный соратникъ покойнаго Кійяра, обратился къ Арменіи съ трогательными словами участія и ободренія, которыя были приведены уже въ нашемъ журналѣ.

Это горячее сочувствіе армянскому народу со стороны Франціи и французскихъ дѣятелей глобоко знаменательно.

Франція, какъ и Англія, какъ и Россія, чувствуютъ, что Арменія не можетъ остаться въ томъ положеніи, въ которомъ она находится сейчасъ. Въ одномъ лондонскомъ армянскомъ воззваніи, выпущенномъ при первыхъ же извѣстіяхъ объ избіеніяхъ армянъ, въ августѣ прошлаго года, говорилось: «Арменія—такая же наша союзница, какъ Бельгія, какъ Сербія. Мы не можемъ покинуть ее на произволъ судьбы». П. Н. Милюковъ въ Москвѣ, на банкетѣ городского съѣзда съѣзда, сказалъ: «Добиваться автономіи для армянскаго народа—долгъ чести Россіи». Теперь Анатоль Франсъ при громкихъ рукоплесканіяхъ не только парижскаго митинга, но и всей Франціи, черезъ всю Европу, черезъ моря и горы, призывалъ Арменію: «Встань сестра! Твои страданія окончились!»

До сихъ поръ высказываются, какъ видитъ читатель, только представители обществен-

наго мнѣнія трехъ великихъ союзныхъ державъ. Дипломаты, какъ и подобаетъ ихъ торжественному сану, безмолвствуютъ. Въ печати не было еще никакихъ, сколько-нибудь, заслуживающихъ вѣры, свѣдѣній, которыя говорили бы о состоявшемся или предполагающихся соглашеніяхъ между державами согласія.

Конечно, въ высшей степени невѣроятно, чтобы совсѣмъ не было, если не прямыхъ, соглашеній, то, по крайней мѣрѣ, переговоровъ. Изъ того «разъясненія» по вопросу о проливахъ, которое было дано въ Государственной Думѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ, явствуетъ, что Турція предметомъ переговоровъ между державами согласія служила. А если служила Турція, то служила и Арменія. Мы не знаемъ лишь содержанія этихъ переговоровъ. Догадкамъ—поле широкое, но достовѣрно ничего.

Что слѣдуетъ изъ такого положенія? То, прежде всего, что энергичное давленіе общественнаго мнѣнія можетъ еще подтолкнуть мысль господъ дипломатовъ въ такое русло, въ какое первоначально она не направлялась. Въ Россіи такіе процессы, правда, совершаются съ трудомъ. Но на Западѣ—они очень обычны.

Вотъ почему приходится придавать такое большое значеніе парижскому армянофильскому митингу. Его смыслъ не только въ томъ, что вся культурная Франція высказала свое сочувствіе армянамъ за вынесенныя ими муки, не только въ томъ, что Анатоль Франсъ пытался издалека вдохнуть въ армянскія души надежду, давно уже ихъ покинувшую.

Смыслъ его еще—и, главнымъ образомъ, въ томъ, что французской дипломатіи указуются пути рѣшенія армянскаго вопроса.

А пути эти—тѣ, о которыхъ давно тоскуетъ армянскій народъ.

Изъ пасхальныхъ мотивовъ новой армянской поэзіи.

Въ пасхальные дни какъ-то невольно вспоминаются, между прочимъ, и тѣ стихотворенія поэтовъ различныхъ странъ, которыя связаны съ величайшимъ изъ христіанскихъ праздниковъ и лежащею въ его основѣ высокою нравственною идеей. Среди этихъ стихотвореній есть замѣчательныя, дышащія неподдѣльнымъ религіознымъ воодушевленіемъ вещи. Въ иныхъ возсоздаются отдѣльные эпизоды евангельской исторіи, относящіеся къ послѣднимъ днямъ земной жизни Христа, описываются Его страданія, прославляется воскресеніе, какъ символъ побѣды надъ смертью и мракомъ. Другія стихотворенія проникнуты духомъ братской любви ко всему человѣчеству, за которое пострадалъ Христосъ, завѣщавшій людямъ ученіе, полное гуманности и милосердія,—и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ скорбь по поводу явнаго несоотвѣтствія между высотою этого ученія и тѣмъ, что творится въ окружающей насъ дѣйствительности, гдѣ слишкомъ часто торжествуютъ грубый эгоизмъ, жестокость и корыстолюбіе...

Армянская поэзія сдѣлала свой вкладъ въ эту обширную литературу различныхъ отголосковъ страданій Христа—и Свѣтлаго Воскресенія. Можно безъ труда назвать довольно много стихотвореній, навѣянныхъ Пасхою и входящихъ въ составъ болѣе или менѣе обширной группы произведеній, въ которыхъ армянскіе поэты затрогивали область религіозныхъ вѣрованій и воспоминаній. Вспомнимъ, что такого рода вещи есть, напримѣръ, у Рафаэла Патканьяна,—хотя онѣ и не занимаютъ у него первостепеннаго мѣста. Таково, напримѣръ, его извѣстное стихотвореніе (навѣянное Ламартиномъ) «Священникъ», въ которомъ прославляется и возвеличивается истинный служитель Христа, какъ посредникъ между Богомъ и людьми. Патканьянъ былъ также авторомъ стихотворенія «Передъ изображеніемъ Богоматери» (переведено по-русски Эллисомъ), гдѣ Богоматерь представлена молящеюся за грѣшныхъ людей, ходатайствующею передъ Богомъ за несчастную, обездоленную землю. Наконецъ, его «Чаша спасенія» является прямымъ отраженіемъ евангельскаго разсказа о страданіяхъ Спасителя, переноситъ насъ въ Іерусалимъ, въ Геѳсиманскій садъ, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, распространенную передачу словъ Христа о той чашѣ, которую предстоитъ Ему испить, по волѣ Небеснаго Отца.

Религіозные мотивы занимаютъ опредѣленное мѣсто и въ творчествѣ другого армянскаго поэта старшаго поколѣнія, Смбата Шахъ-Азиза. Онъ неоднократно обращался къ выясненію вопроса о томъ, въ чемъ состоитъ сущность христіанства, какія обязанности оно налагаетъ на человѣка по отношенію къ ближнимъ. Это мы видимъ, напримѣръ, въ стихотвореніи, помѣченномъ «въ русскомъ монастырѣ», гдѣ долгомъ истиннаго христіанина признается дѣятельная любовь къ людямъ, подкрѣпленіе вѣры—дѣ-

лами. Созерцаніе красотъ природы нерѣдко вызывало у автора «Скорби Леона», какъ и у многихъ поэтовъ другихъ народовъ (вспомнимъ хотя бы Ломоносова и Лермонтова), наряду съ умиротвореннымъ настроеніемъ, мысли о величіи Творца. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ конецъ его красиваго и глубокаго, по мысли, стихотворенія «Таинственная ночь», гдѣ говорится о поэтѣ, который «ощущая святое блаженство—познавать и величіе Творца, и могущество тайнъ мірозданья, воспоетъ, вдохновенья крыломъ осѣненъ, лишь Того, Кто стоитъ внѣ міровъ и временъ, въ недоступномъ для міра сіяніи» *).

Если Патканьянъ непосредственно затронулъ область евангельскаго повѣствованія о событіяхъ Страстной недѣли, то и у современныхъ армянскихъ поэтовъ найдется немало вещей, относящихся къ той же категоріи. Остановимся хотя бы на двухъ изъ нихъ—Ованнесѣ Ованнисьянѣ и Александрѣ Цатуріанѣ, сочиненія которыхъ въ этомъ отношеніи заключаютъ въ себѣ весьма яркій и интересный матеріалъ. Что касается, въ частности, Ованнисьяна, то число стихотвореній съ религіозною окраскою у него, вообще, довольно велико. То онъ вспоминаетъ о рожденіи Младенца, возвѣстившаго міру новую истину, призвавшаго людей къ братскому единенію со своими ближними; то скорбитъ о томъ, что люди «отреклись отъ безсмертныхъ словъ, полныхъ человѣколюбія», стали палачами своихъ же братьевъ, однимъ словомъ—«давно забыли Твой завѣтъ» («Молитва»). Несомнѣнно, навѣяна упомянутымъ выше стихотвореніемъ Патканьяна, другая вещь Ованнисьяна «Богоматерь», гдѣ опять говорится о состраданіи Богородицы къ несчастному, подавленному насиліемъ и неправдою человѣчеству,—состраданіи, которое поэтъ, удаляясь отъ мірской суеты, борьбы страстей и мелкихъ интересовъ, читаетъ въ Ея скорбныхъ очахъ, съ сосредоточеннымъ и глубокимъ выраженіемъ... Стихотвореніе «Евангеліе», отчасти напоминающее «Молитву», вмѣстѣ съ тѣмъ связано опять съ воспоминаніями о крестной смерти Христа и съ мыслями о рѣзкомъ расхожденіи человѣческой жизни съ тѣмъ, что было завѣщано человѣчеству, «во время оно». Поэтъ спрашиваетъ себя: «гдѣ же осталась любовь къ людямъ, которую Спаситель, какъ священный завѣтъ, передалъ человѣчеству, запечатлѣвъ ее на крестѣ Своею кровью, точно живыми письменами?» «Люди давно забыли о крестѣ и живительной проповѣди; они отреклись отъ Евангелія—священная книга не имѣетъ для нихъ цѣны»...

У Ованнисьяна есть и нѣсколько стихотвореній, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Пасхѣ, какъ празднику обновленія и возрожденія. Нѣкоторые мотивы повторяются почти во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ, придавая имъ извѣстную внутреннюю связь, несмотря на то, что они были написаны въ разное время. Еще тридцать лѣтъ назадъ, въ 1886 году, поэтъ связалъ праздникъ Воскресенія Христова съ идеей объединенія и пробужденія отъ многовѣковаго сна армянскаго народа, который тоже долженъ воспрянуть духомъ, слыша радостную вѣсть «Христосъ Воскресе». Въ такихъ вещахъ Ованнисьяна, какъ «Пасха», «Весна», «Пробудись, дорогая», «Когда, вмѣстѣ съ первой ласточкой весенней» и др., ярко отразилось то впечатлѣніе, какое вплоть до новѣйшаго времени оставлялъ въ душѣ поэта праздникъ Воскресенія. Среди стихотвореній Ованнисьяна, носящихъ религіозную окраску, тѣ, въ которыхъ отразились пасхальные мотивы, безспорно, одни изъ наиболѣе интересныхъ.

Очень часто поэтъ сопоставляетъ картины пробуждающейся отъ зимняго сна природы съ прославленіемъ Пасхи и отраженіемъ тѣхъ мыслей и ощущеній, которыя она вызываетъ въ душѣ человѣка. Въ четырехъ или пяти случаяхъ, онъ возвращается къ этому описанію красоты весенняго пейзажа, лучезарнаго солнца, свѣжей зелени, ароматнаго воздуха, пѣнія птицъ,—и переходитъ затѣмъ къ размышленіямъ о великомъ праздникѣ. Онъ мечтаетъ о томъ времени, когда «великая и безсмертная любовь воскреснетъ въ человѣческой жизни». Возвращаясь къ тому мотиву, который онъ затронулъ въ одной изъ своихъ раннихъ вещей, онъ спрашиваетъ себя: « Но что приноситъ этотъ день для нашей жизни? Гдѣ этотъ дарованный Спасителемъ миръ, который долженъ былъ пролить свѣтъ въ мятущуюся душу и распространить тепло любви?» Поэту грезится такая пора, когда всѣ армяне будутъ объединены братскою любовью, сплотятся вокругъ общаго дѣла. «Тогда я сказалъ бы съ радостью: и намъ улыбнулось весеннее солнышко; разсѣялись тучи, небо ясно, армянинъ тоже празднуетъ свою Пасху». Наконецъ, есть у Ованнисьяна одно стихотвореніе, въ которомъ онъ съ горечью говоритъ о томъ, что привѣтствіе «Христосъ Воскресе» кажется ему неискреннимъ и лицемѣрнымъ въ устахъ многихъ, что оно повторяется безъ внутренняго чувства, произносится разъ въ году,—чтобы потомъ быть забытымъ въ сутолокѣ жизни!

Это стихотвореніе нельзя не сопоставить съ произведеніями другого армянскаго поэта, котораго тоже можно причислить къ «пѣвцамъ Пасхи», немало красивыхъ и прочувствованныхъ строкъ посвятившихъ этому празднику. Рѣчь идетъ объ Александрѣ Цатуріанѣ, который также отвелъ извѣстное мѣсто въ своемъ творчествѣ религіознымъ

*) Переводъ О. Н. Чюминой.

мотивамъ. Вспомнимъ его стихотвореніе «Молись», гдѣ подробно развита тема, затронутая Лермонтовымъ въ одномъ изъ наиболѣе совершенныхъ его созданій: «Въ минуту жизни трудную...» Въ другомъ стихотвореніи, «Молитва», мы находимъ напоминающую иныя вещи Ованнисьяна мольбу о спасительной любви, которая должна объединить и возродить человѣчество. «Богъ-мученикъ» является непосредственнымъ отраженіемъ евангельскаго разсказа о предательствѣ Іуды и крестныхъ страданіяхъ Христа.

Подобно Ованнисьяну, Цатуріанъ въ стихотвореніи «Нашъ вѣкъ» скорбитъ объ эгоизмѣ и черствости общества, забывшаго объ ученіи Спасителя, равнодушнаго къ судьбѣ несчастныхъ и обездоленныхъ, живущаго насиліемъ и эксплуатаціею болѣе слабыхъ и беззащитныхъ. Тою же идеей проникнуты «Пасхальныя размышленія» того же автора, навѣянныя, до извѣстной степени, вліяніемъ Надсона (въ частности, его стихотвореніемъ «Христосъ! Гдѣ Ты, Христосъ, сіяющій лучами безсмертной истины, свободы и любви»). Поэту представляется, что мрачная ночь снова окутала землю и человѣческую жизнь, что кругомъ—только «душевная низость, торговля совѣстью, притворство и порокъ; гдѣ благородное дѣло—тамъ злословіе, поцѣлуй Іуды, тридцать сребренниковъ».

У Цатуріана есть и группа стихотвореній (изъ четырехъ вещей), носящая общее названіе «Пасха». Въ этихъ небольшихъ произведеніяхъ поэтъ рисуетъ сначала картину празднованія Пасхи собравшимся народомъ, который, повидимому, въ этотъ знаменательный вечеръ охваченъ торжественнымъ настроеніемъ, чувствуетъ умиленіе, отрѣшается отъ обычныхъ интересовъ, суетныхъ помысловъ и вражды... Но поэтъ не можетъ отдѣлаться отъ мысли о томъ, что это только—видимость, иллюзія, мимолетное настроеніе, не проникающее въ глубину человѣческой души. И, подъ вліяніемъ все того же несоотвѣтствія между христіанскимъ идеаломъ и несовершенствомъ жизни, у поэта вырываются замѣчательныя строки, которыми мы закончимъ этотъ небольшой очеркъ пасхальныхъ мотивовъ въ творчествѣ нѣкоторыхъ армянскихъ поэтовъ: «Я думаю о томъ—сколько еще людей, воспламененныхъ тою любовью, которую завѣщалъ намъ Спаситель, должны пожертвовать собою за свѣтлое ученіе, пока не будетъ приготовлена и въ жизни—Пасха».

Юрій Веселовскій.

Голубиный Скитъ.

(Поэма Туманіана).

Ленктемуръ пришелъ,
 Изувѣръ, палачъ;
Съ нимъ—огонь и мечъ,
 Съ нимъ—туча и плачъ.
Не узломъ сдавилъ
 Насъ удавъ-драконъ:
Наше племя врагъ
 Полонилъ въ полонъ.
На прибрежьѣ, гдѣ
 Дышитъ мглой Севанъ,
У озерныхъ струй
 Онъ разбилъ свой станъ,—
Тамъ, гдѣ, къ Богу силъ
 Воскрылясь душой,
Сторожитъ нашъ край
 Монастырь святой.

Въ тѣ поры въ скиту—
 Опекунъ Армянъ—
Преподобный жилъ
 Схимонахъ Оанъ,
День и ночь молясь
 За родной народъ,
За крещеный людъ,
 За невѣрный родъ.
Какъ прознаъ Оанъ
 Изъ затворныхъ стѣнъ
Злыхъ Татаръ набѣгъ,
 Христіанскій плѣнъ,—
Осерчалъ зѣло,
 Затужилъ вельми,
Что владѣетъ такъ
 Сатана людьми.
Не скончалъ молитвъ
 Сѣдовласый мнихъ,—
Хвать за жезлъ и вонъ
 Изъ воротъ святыхъ.
Бормоча, идетъ,
 Куда путь ведетъ,
Въ забытьи—на гладь
 Бирюзовыхъ водъ:
Заплескалъ Севанъ,
 Но сѣдой росой
Доплеснуть не смѣлъ
 До ступни босой.

Какъ увидѣлъ то
 Басурманскій князь,—
Хилымъ быліемъ
 Задрожалъ, склонясь;
Завопилъ, завылъ
 Съ высоты крутой:
«Не гнѣвись, вернись,
 Человѣкъ святой!
Съ миромъ въ домъ вернись!»—
 Такъ взмолился ханъ;
Повернулъ стопы
 Въ монастырь Оанъ.

Въ этой долинѣ розъ стоялъ дворецъ владѣтельнаго хана. И была у хана единственная дочь, красавица Гюльназаръ. Она видѣла лишь свою шестнадцатую весну. Стройная, какъ чинара, граціозная, какъ дикая серна, Гюльназаръ была восхитительна и слава о ея красѣ далеко разнеслась за предѣлами ханства. Много молодыхъ людей, знатныхъ, прекрасныхъ и храбрыхъ, вздыхали по ней, много предложеній было сдѣлано старому хану, но сердце Гюльназаръ молчало. Аллахъ не влилъ еще въ ея душу капель сладостной любви и страсти. Звонко раздавался день-деньской во дворцѣ стараго хана смѣхъ Гюльназаръ, ея шутки. И всѣ любили добрую Гюльназаръ. Любили ее рабы, рабыни, евнухи, сверстницы. Для всѣхъ у нея было припасено доброе словечко, милая улыбка, ласка, а въ нужныхъ случаяхъ помощь и словомъ, и дѣломъ. Сколько разъ она являлась предъ разгнѣваннымъ ханомъ заступницей провинившихся, сколько разъ спасала она ихъ отъ наказанія, тюрьмы и даже смерти...

И всѣ готовы были отдать за нее жизнь и душу. Но больше всѣхъ любилъ и боготворилъ ее отецъ. Старый ханъ въ ней одной видѣлъ цѣль своей жизни; въ ней одной онъ черпалъ свои радости, надежды, упованья. Гюльназаръ была свѣтомъ его очей, солнцемъ его жизни. Гнѣвный, сумрачный ханъ въ присутствіи Гюльназаръ дѣлался добрѣе. Подъ вліяніемъ ея голоса, ея рѣчей онъ смягчался; сердитыя складки и морщины на его высокомъ челѣ расходились; плотно стиснутые зубы разжимались и на, до того грозномъ, зловѣщемъ лицѣ старика появлялось нѣчто похожее на улыбку.

И больно было разстаться хану съ Гюльназаръ. На всѣ заманчивыя предложенія принцевъ крови онъ отвѣчалъ, что Гюльназаръ еще дитя, что не наступила еще пора выдать ее замужъ.

И текли такъ дни во дворцѣ могущественнаго хана подъ сѣнью благодати Аллаха.

Дервишъ умолкъ, насупился, еще туже подтянулъ на своемъ высохшемъ тѣлѣ кожаный поясъ и, углубившись въ себя, продолжалъ:

— Но ничто не вѣчно, сынъ мой, въ этомъ мірѣ. Особенно не вѣчно счастье... Позавидовалъ злой Ариманъ безмятежной жизни и Гюльназаръ и Сафара, этихъ чистыхъ, божественныхъ душъ и рѣшилъ взбаламутить ихъ мирный покой. Такъ въ ясный, солнечный день вдругъ налетаетъ изъ-за горъ вѣтеръ, небо, до того чистое и прозрачное, какъ очи невиннаго ребенка, покрывается черными, зловѣщими тучами, молнія зигзагами начинаетъ бороздить небо, бѣшеные порывы вѣтра клонятъ къ землѣ могучія деревья и кусты и раскаты грома гулкимъ эхомъ раздаются въ темныхъ ущельяхъ горъ. Такъ налетѣлъ злой Ариманъ со своими темными силами на Гюльназаръ и Сафара...

Вотъ какъ случилось это, сынъ мой...

Однажды Сафаръ игралъ на своей свирѣли одну изъ своихъ прекрасныхъ пѣсенъ. Звукъ этой пѣсни долетѣлъ до слуха Гюльназаръ, играющей съ подругами въ рощѣ, гдѣ зрѣли золотистые апельсины и кроваво-красные гранаты. Смѣхъ Гюльназаръ сразу, при первыхъ, глубоко въ душу проникающихъ звукахъ мелодіи, оборвался. Она умолкла, притихла и стала чутко прислушиваться къ звукамъ свирѣли. А пѣснь лилась. Непринужденная, идущая отъ сердца, изъ тайниковъ души, она все громче и громче раздавалась, славословя и небеса, и весь Божій міръ. Пѣснь журчала, какъ ручеекъ, звенѣла, какъ серебряные колокольчики, ласкала, какъ тихое дуновеніе вѣтерка въ знойный день, и пробуждала въ душѣ какія то неясныя желанія, томленія, исканія. Неподвижно, какъ статуя, съ широко открытыми глазами, блѣдная и задумчивая стояла Гюльназаръ и жадно внимала чарующимъ звукамъ божественной пѣсни. Что-то невѣдомое дотолѣ, и жуткое и въ то же время сладостное, вливалось въ грудь Гюльназаръ, и, задѣвая струны ея души, будило въ ней желанія. И неудержимо, властно потянуло ее къ этимъ звукамъ. И тихо вышла она изъ апельсиновой рощи и, медленно двигаясь впередъ, осторожно спускаясь съ выступа на выступъ, сошла въ долину розъ. Сафаръ не видѣлъ ее и продолжалъ играть на свирѣли. Гюльназаръ тихо, какъ зачарованная, подошла къ нему и вся въ невѣдомой истомѣ, вся радость и упоеніе, прислонилась къ стволу чинары. Собака Сафара залаяла на незнакомку. Сафаръ всталъ и глаза Гюльназаръ встрѣтились съ его глазами. Глаза тѣхъ, сынъ мой, кто переживаетъ свою шестнадцатую весну умѣютъ говорить, говорить молча, безъ словъ. И глаза ихъ заговорили раньше, чѣмъ уста.

— Играй, юноша, ты такъ дивно играешь!..

— Кто ты, дѣва?..

— Играй!.. Я... дѣвушка изъ апельсиновой рощи... дочь садовника...

— Какъ зовутъ тебя?

— Гюльназаръ...

— Какое прекрасное имя—Царица розъ... Ты любишь пѣсни?

— О, я много пѣсенъ слыхала, но такой... такой чудной пѣсни я не слыхала... Кто научилъ тебя играть на свирѣли и пѣть?

— Меня... — и Сафаръ громко разсмѣялся... — Меня училъ каждый вѣтерокъ въ ущельяхъ горъ, шелестъ листьевъ дубравы, журчанье ручейка... Я выросъ въ этихъ горахъ и въ этой долинѣ пасу свое стадо...

— Твоя свирѣль говоритъ, она плачетъ, рыдаетъ.

— О, дѣвушка изъ апельсиновой рощи, то плачетъ, смѣется и рыдаетъ моя душа. Она куда-то стремится, кого-то ищетъ, кого-то зоветъ и, не найдя, рыдаетъ..

— Да.. кого же ищетъ твоя душа?

— Не знаю самъ... Иногда въ долгія осеннія ночи, когда я лежу въ своей саклѣ и угли едва тлѣютъ въ жаровнѣ, я вижу образы.. неясные, какъ туманъ въ горахъ.

— Чьи образы, юноша, ты видишь?

— Образы Пери.., такихъ легкихъ, эфирныхъ, неземныхъ. Онѣ киваютъ мнѣ, манятъ я, когда я простираю къ нимъ руки, они исчезаютъ...

— Да?!

— И знаешь, Гюльназаръ, Пери, какъ это ни странно, похожи.. похожи..

— На кого, юноша, скажи.

— На тебя, дѣва изъ апельсиновой рощи..

И Сафаръ стыдливо опустилъ глаза. Опустила глаза и Гюльназаръ. И подъ старой чинарой на мигъ воцарилось молчаніе.

— Прощай, юноша!

— Ты уходишь.. подожди.. я спою тебѣ свою любимую пѣсню!..

— Нѣтъ,.. не надо... потомъ... я приду.

— Приходи, Гюльназаръ, я буду ждать тебя.

— Не знаю... быть можетъ... прощай!

Смущенная Гюльназаръ поспѣшно скрылась за холмомъ. И долго, долго смотрѣлъ ей вслѣдъ очарованный ея красой Сафаръ и радостная улыбка счастья замерла на его устахъ..

Текли дни за днями и злой Ариманъ расплеталъ все больше и больше клубокъ несчастій. Гюльназаръ и Сафаръ часто видѣлись тайкомъ въ долинѣ розъ и полюбили другъ друга первой любовью. Сафаръ игралъ ей свои пѣсни, а Гюльназаръ, прижавшись къ нему, жадно ловила страстныя признанія юноши, его восторги, его упоенья.. Всѣ пѣсни свои посвятилъ ей Сафаръ; онъ воспѣвалъ ее, свою Гюльназаръ, эту дочь простого садовника изъ апельсиновой рощи, ея божественную красу, ея глаза газели, ея станъ тростника. И вливалась пѣснь эта въ глубь души Гюльназаръ, пробуждая ея любовь, ея страсть, ея порывы.

И то, что должно было совершиться, сынъ мой, совершилось. Въ порывѣ жгучей страсти Гюльназаръ отдала Сафару свою первую любовь, свои лобзанья, свое прекрасное тѣло. И слились во едино двѣ души, слились въ аккордахъ торжествующей пѣсни любви и счастья. И горы, и долина розъ, и звѣзды, и луна внимали той пѣснѣ любви. Въ ночной тиши раздавались жгучія лобзанія, увѣренія, клятвы и подъ покровомъ ночи совершилось таинство любви. И Ариманъ торжествовалъ. Грѣхъ, земной грѣхъ, вторгся въ чистую любовь двухъ сердецъ..

Такъ текли дни за днями, дни счастья и радостей, и настала осень.

Дѣвушка изъ апельсиновой рощи перестала являться къ Сафару. И затосковала, заныла его душа. Забросилъ онъ свою свирѣль, пересталъ свои пѣсни и весь день ходилъ сумрачный, растерянный, жалкій. Кто-то безжалостной рукой сорвалъ, смялъ цвѣтокъ, такъ пышно распустившійся въ его душѣ и бросилъ въ грязь. И. не находилъ себѣ Сафаръ покоя. Часто въ ночной тиши, сидя у жаровни, онъ рыдалъ, рыдалъ о потерянномъ счастьѣ, объ улетѣвшей, исчезнувшей Пери. Долго, долго онъ смотрѣлъ на пылающіе угли и въ дрожащей синевѣ ихъ видѣлъ образъ Гюльназаръ.

— Что съ ней.. Гдѣ она?—И мысли одна мрачнѣй другой заползали въ его истерзанную душу и наполняли ее мракомъ и сомнѣніями.

— Разлюбила.. ушла... къ другому... на что ей бѣдный пастухъ.. что онъ имѣетъ кромѣ своихъ пѣсенъ... а другіе... они богаты!..

И ныла, терзалась душа Сафара и глухо раздавались въ мрачной, убогой саклѣ его рыданья.

Настала весна и Сафаръ погналъ своихъ овецъ въ долину бѣлыхъ розъ. Здѣсь, подъ чинарами, у ручейка, онъ вспомнилъ свое былое счастье, свои золотые сны, свои радости. И еще больнѣе стало ему. Потянулись сѣрые, скучные дни. Истосковался Сафаръ, исхудалъ и рѣшилъ пойти искать Гюльназаръ. Сдавъ свое стадо другому пастуху, онъ пошелъ къ владѣніямъ хана. Всюду онъ искалъ свою любовь, у всѣхъ встрѣчныхъ спрашивалъ о дочери садовника и никто не могъ ему указать, гдѣ она живетъ. Многихъ дѣвушекъ перевидалъ онъ и среди нихъ не нашелъ своей Гюльназаръ. И добрелъ онъ до дворца хана и усталый опустился у старой стѣны его.

Солнце заходило и его пурпурный отблескъ игралъ въ кружевѣ высокихъ монастырей и на мозаикѣ мавританскихъ башенокъ дворца.

Сафаръ поджалъ подъ себя ноги и прислонился было къ выступу стѣны, когда чей-то грозный окликъ привлекъ его вниманіе.

— Дорогу хану и его дочери Гюльназаръ, дорогу!..

— Гюльназаръ! Это слово, какъ остріе стрѣлы, вонзилось въ мозгъ Сафара; онъ быстро всталъ и прижался къ стѣнѣ. Изъ мечети послѣ вечерней молитвы выходилъ

ханъ, его дочь и свита. Сафаръ посмотрѣлъ на шествіе и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Предъ нимъ проходила окруженная подругами и челядью, Гюльназаръ, его Гюльназаръ, его счастье, его солнце.

— Гюльназаръ, радость моя! — вырвался изъ груди Сафара радостный крикъ.

— Сафаръ, — едва слышно прошептала Гюльназаръ и, покраснѣвъ, опустила глаза.

Ханъ услышалъ крикъ юноши, и шепотъ дочери. Онъ понялъ все и, поблѣднѣвъ, затрясшись, велѣлъ схватить дерзкаго и привести во дворецъ.

Дервишъ умолкъ на минуту, перевелъ дыханіе, кашлянулъ и продолжалъ.

— Въ страшныхъ, нечеловѣческихъ мученіяхъ и пыткахъ выдалъ Сафаръ тайну своей любви и Гюльназаръ. И ханъ узналъ о позорѣ своей дочери. Ни одного стона не вырвалось изъ груди несчастнаго отца. Молча, весь ушедшій въ себя, онъ выслушалъ признанія Сафара и, подумавъ, велѣлъ его заточить въ темницу, узкое рѣшетчатое окно которое было напротивъ окна покоевъ Гюльназаръ.

— Ты ежедневно будешь видѣть ее... мою Гюльназаръ... ежедневно кровь капля за каплей будетъ сочиться изъ ранъ твоего сердце и, истерзанный, измученный, ты отдашь Аллаху свою душу!..

Это была лютая, жестокая казнь, придуманная ханомъ для Сафара.

И когда взошло, черезъ нѣсколько дней послѣ его заточенія, солнце и Сафаръ увидѣлъ въ окнѣ блѣдное, печальное лицо своей Гюльназаръ, ея грустные, заплаканные глаза, ея блѣдныя руки, съ мольбой простертыя къ нему, онъ, измученный, израненный, запѣлъ свою пѣсню любви. Сафаръ пѣлъ такъ, какъ никогда. Казалось, что по повелѣнію Аллаха слетѣлись всѣ ангелы и запѣли чудную пѣснь рая.

Всю любящую душу свою, свою кровь, свои страданія, свою боль отъ пытки вылужилъ Сафаръ въ эту лебединую пѣсню и, пропѣвъ ее, зашатался, упалъ на каменныя плиты своей темницы и отдалъ ангелу смерти свою изуродовавшуюся душу...

Дервишъ умолкъ. Вперивъ свой взоръ въ пространство, онъ весь ушелъ въ то далекое прошлое, когда случилось это событіе. Наконецъ онъ очнулся и продолжалъ.

— И послѣ смерти Сафара его душа, сынъ мой, превратилась по повелѣнію Аллаха въ соловья. Пѣвецъ любви въ первую же ночь прилетѣлъ ко дворцу хана, сѣлъ на кустъ бѣлой розы, растущей у окна покоевъ Гюльназаръ и запѣлъ пѣснь Сафара.

Страстные звуки лились въ нѣжной тиши и все въ природѣ окрестъ внимало той неземной пѣснѣ любви.

Внимали чутко горы и лѣсъ, внимала долина, внимали розы. И эти бѣлыя розы отъ жгучей страсти этой пѣсни, отъ невыносимыхъ ея мукъ, отъ блаженства ея счастья зардѣлись и превратились въ кроваво-красныя. И чѣмъ дальше росли розы отъ окна Гюльназаръ, тѣмъ красная окраска ихъ становилась блѣднѣе и блѣднѣе.

Такъ получилась вся гамма окраски розъ въ долинѣ Гюлистана. Сафаръ своей кровью окропилъ бѣлыя розы Аллаха и превратилъ ихъ въ ярко-пунцовыя, красныя, розовыя и блѣдно-розовыя.

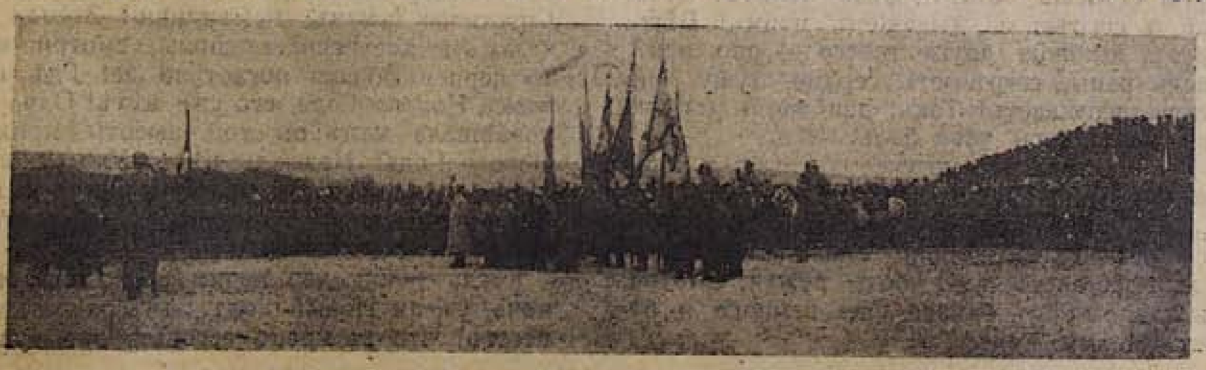
Такъ гласитъ преданіе. Такъ поетъ нашъ Гафизъ. И да будетъ благословенно имя Аллаха во вѣки вѣковъ!

Дервишъ умолкъ и неподвижно смотрѣлъ въ даль. Ночныя тѣни уже начали окутывать землю. Я всталъ, бросилъ нѣсколько монетъ въ чашку дервиша. Онъ не пошевельнулся и, казалось, не замѣчалъ меня. Я медленно удалился отъ мечети, унося съ собою обаянье этой поэтической легенды поэтическаго Востока.

Геворгъ Чубаръ.

1916 г.

Выступленіе V-й армянской дружины въ походъ въ 1914 году,

послѣ объявленія войны Турціи.

НОВЫЙ ГОДЪ ЗИНВОРА.

Эскизъ А. Агароняна. *(Переводъ съ армянскаго).*

Тихо... что ты шепчешь? иди спокойно! помни, вздохъ твой на лицѣ злой судьбы рождаетъ улыбку. Мы должны пройти черезъ эту снѣжную гору! не слышишь? Вѣтеръ доноситъ до насъ ропотъ и вопли вотъ съ этой стороны... тамъ позади насъ какъ будто ущелья стонутъ. Крѣпче прижми ружье къ свѣжей ранѣ своей... крѣпче! Близокъ Новый годъ, будь храбрѣе, мой другъ! Онъ застанетъ тебя въ отчаяніи, въ безсиліи! Смотри... на эту красивую звѣзду, сіяющую въ небесахъ, большую, яркую... Мы къ ней идемъ... она приближается къ намъ, смотри на небо... и когда она достигнетъ вершины той крутой горы, покрытой чащей и лѣсомъ, тогда и для насъ наступитъ Новый Годъ.

Труденъ и ужасенъ подъемъ; длиненъ нашъ путь; но радуйся, мы много прошли.

Тише, мой другъ, умѣрь шаги!.. смотри... не вѣрь коню... Какъ люди иногда скрываютъ злобу въ сердцѣ своемъ, коварной и обманчивой улыбкой, такъ и снѣжный саванъ подъ холодной красой скрываетъ пропасть свою. Мы сколько прошли по снѣжному пути и вдругъ передъ встрѣчей Новаго Года, насъ поглотитъ пропасть, скрытая подъ снѣгомъ! Смотри звѣзда уже приблизилась къ вершинѣ, еще немного и наступитъ Новый Годъ!..

Какъ холодно; знаю, ты дрожишь, коченѣютъ твои руки и ноги. Но мы не одни, и не однимъ намъ холодно. Милліоны стынутъ, дрожатъ отъ стужи; но намъ не замерзнуть! Повсюду зима! Вдовы и сироты ломаютъ пальцы, къ Богу взываютъ; и старцы, сложивъ свои руки сухія, ноютъ и дрожатъ.

Страшенъ холодъ! Кому же тепло, тому холодно отъ страха и ужаса! И если мы, какъ эти жалкіе людишки, уступимъ въ борьбѣ съ холодомъ, то кто же, скажи, пойдетъ навстрѣчу Новому Году? Смотри, звѣзда совсѣмъ близко, Новый Годъ недалеко отъ насъ!

Ты стонешь опять?.. рана болитъ? Стой, дай я согрѣю ее дыханіемъ моимъ! Вѣрь, другъ, дыханію друга твоего — оно исцѣляетъ раны, согрѣваетъ сердце, душу, оно искры испускаетъ! Такъ, дай же, я согрѣю ее и пройдетъ твоя боль.

Повѣрь мнѣ, это могучее средство, я перевяжу рану... хорошо?.. не болитъ?..

Ну, бери ружье оно тепло еще! Прижми его крѣпче, не хорошо вѣдь, если Новый Годъ застанетъ тебя безъ ружья. Смотри, звѣзда совсѣмъ близка, еще немного и будетъ Новый Годъ!

Мракъ со всѣхъ сторонъ окуталъ насъ, густая тьма; ни зги не видно; все молчитъ, будто все умерло и ужасъ и страхъ царятъ надъ вселенной. Люди боятся перекинуться словомъ; они забыли даже, что скоро наступитъ Новый Годъ! Взваливши на плечи гнетущее бремя страданій, они улыбаются своими окровавленными губами и молчатъ въ объятіи ужаса, шепчутъ и ждутъ... чего... чудесъ?..

Другъ мой, скажи, если и мы, какъ они, будемъ молчать, будемъ страшиться, то кому же, кому идти навстрѣчу Новому Году?

Ну, идемъ, впередъ!..

Смотри, смотри, какъ величаво, плавно и спокойно скользитъ звѣзда по небосклону! Какъ прекрасны переливы ея цвѣтовъ, какъ чисты и ясны ея лучи!

Въ безпредѣльномъ пространствѣ она плыветъ, какъ бы поясняя людямъ жизнь свободную, независимую! Она не знаетъ мрака, окутавшаго насъ, она гордо прорѣзываетъ ночную мглу и идетъ впередъ!.. Кто захочетъ быть свободнымъ, какъ звѣзда, пусть прорѣжетъ мракъ и идетъ впередъ!

Идемъ впередъ, туда, къ вершинѣ, она близка и тамъ, подъ грохотъ нашихъ ружей, встрѣтимъ Новый Годъ!

Загоралась заря, когда мы двинулись въ путь. Сколько насъ было, а теперь мы съ тобой остались лишь вдвоемъ.

Сколько мы шли; тяжелъ былъ нашъ путь—сколько жертвъ мы принесли! буря, мятель, холодъ и мгла были нашими врагами... Остались мы вдвоемъ, но что страшнаго въ этомъ? мы сложимъ могучую, дикую пѣсню изъ послѣднихъ вздоховъ нашихъ погибшихъ братьевъ и изъ искры ихъ свободныхъ сердецъ мы крылья сплетемъ и помчимся туда, куда насъ призываетъ нашъ долгъ! Идемъ же впередъ! духомъ не падай, звѣзда наша близка! Погляди, когда она достигнетъ вонъ той крутой горы, наступитъ полночь и будетъ Новый Годъ!..

. . . .

Остановись немного! Что случилось еще? Спустился туманъ, не видишь? Звѣзда исчезла, не достигши вершины; смотри, вотъ то черное облако поглотило ее! Гдѣ признакъ Новаго Года, его уже нѣтъ! Одна она возвѣщала намъ съ той высоты приходъ Новаго Года! Надежды нѣтъ! Ужъ сколько лѣтъ, другъ мой, не знаемъ мы, что Новый Годъ приходитъ и уходитъ! пусть и этотъ пройдетъ надъ нами.

Когда наши дни черны и мрачны, какъ ночь, ужели Новый Годъ намъ радость принесетъ? Что за мракъ сегодня, онъ душитъ

АНИ. Развалины церкви.

Затѣмъ пришелъ военноначальникъ турокъ, «который былъ уполномоченнымъ» хондкара агарянъ [3]) и носилъ прозвище одноглазаго Іусуфа. Онъ пріѣхалъ съ большимъ торжествомъ, на мчащемся конѣ, съ большими пушками и съ многочисленными драгоцѣнными шелковыми палатками; расположились большимъ лагеремъ отъ рѣки Ахурянъ до рѣки Рахъ. И постепенно усилились и увеличились и дошли до 40.000.

Черезъ 15 дней прибылъ русскій фельдмаршалъ, „фатишаахъ русацъ", который былъ правителемъ этой вновь завоеванной Россіи, и его звали Гудовичъ: онъ также имѣлъ 12-титысячное войско, и рано утромъ пошли на турецкій лагерь, тамъ былъ плачъ и стонъ; тамъ были горе и страданія, тамъ были шумъ и крики, тамъ былъ плачъ, и тамъ проливали слезы изъ глазъ и скрежетали зубами; они вступили въ бой лицомъ къ лицу, отъ рева пушекъ и ружей человѣкъ могъ бы оглохнуть; воздухъ наполнился дымомъ и загораживалъ лучи солнца; отъ блеска сабель и копьевъ глаза меркли; при гулѣ, ревѣ, звонѣ, крикахъ алла, алла, войска турокъ были разбиты въ пухъ и прахъ, захватили весь ихъ инвентарь, большія пушки, ружья, драгоцѣнныя палатки и многочисленныя знамена и доставивъ къ себѣ, обогатили свое войско. Это было въ 1256 г. нашего армянскаго стиля (1807) іюня 18-го, во вторникъ."

[3]) Смыслъ этой фразы для меня не ясенъ, *инкатеръ*—уполномоченный, или *инчкатеръ*—казначей. А. М.

ХРОНИКА АРМЯНСКОЙ ЖИЗНИ.

Евпаторійскій армянскій комитетъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Какъ писалъ въ прошломъ письмѣ, образовался у насъ 1-го ноября 1914 года Армянскій комитетъ для помощи армянамъ-бѣженцамъ и добровольцамъ.

Съ перваго же дня существованія комитета, члены комитета энергично взялись за дѣло, начали собирать добровольныя пожертвованія ежемѣсячными взносами и до настоящаго времени собрали до девяти тысячъ рублей, изъ коихъ разновременно переведены тифлисскому городскому головѣ А. Н. Хатисову и въ центральный комитетъ вещами и деньгами на восемь тысячъ рублей, въ кассѣ осталось наличными одна тысяча рублей.

Мѣсяца четыре тому назадъ пріѣхала изъ Тифлиса г-жа Спендіарова, ѣздившая по всѣмъ городамъ Крыма, организовала комитеты для открытія пріютовъ сиротамъ армянъ, имени крымскихъ дамъ.

По дошедшимъ до насъ слухамъ, изъ-за какихъ-то непростительныхъ причинъ это святое и симпатичное дѣло, т.-е. открытіе пріюта не осуществится. (Конечно, не по винѣ евпаторскихъ дамъ). На дняхъ мѣстный пекарщикъ Бедросъ Беданянъ получилъ извѣстіе изъ Тифлиса, что изъ разныхъ мѣстъ Россіи, въ количествѣ 28-ми человѣкъ получили разрѣшенія (въ числѣ ихъ и г-нъ Беданянъ) отъ Намѣстника Его Величества на Кавказѣ поѣхать въ селеніе Ходошуръ, Эрзерумскаго вилайета и на мѣстѣ узнать о судьбѣ своихъ родственниковъ и односельчанъ.

Е. С. Кушнеревъ.

ЕВПАТОРІЯ.

Къ земской реформѣ въ Закавказьѣ.

Тифлисскій губернаторъ просилъ армянское сельскохозяйственное общество избрать изъ своей среды одного представителя для присутствованія на предстоящемъ, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Намѣстника, совѣщаніи по введенію земства въ Закавказьѣ. («Оризонъ»).

Армянскій національный музей.

Въ концѣ марта, по словамъ «Оризонъ», въ Армянскомъ Этнографическомъ Обществѣ, по приглашенію совѣта общества состоялось собраніе провинціальныхъ армянокъ, проживающихъ въ Тифлисѣ, на которомъ Е. Лалаянъ далъ пространныя объясненія по вопросу о необходимости созданія богатаго національнаго музея. Дамы отнеслись сочувственно и выразили готовность работать для дѣла обогащенія этнографическо-археологическаго музея общества, съ этою цѣлью образовано 7 комиссій: въ Тифлисѣ, Ахалкалакахъ, Ахалцихѣ, Александрополѣ, Шушѣ, Шемахѣ, Эривани и въ Турецкой Арменіи.

Въ армянскомъ этногр. обществѣ. Состоялось публичное засѣданіе армянскаго этнографическаго об-ва въ залѣ названнаго об-ва, для выслушанія доклада Манука Абегяна о «Григоріи Нарекаци».

Литераторы и армянскій съѣздъ.

Въ Тифлисѣ происходятъ совѣщанія армянскихъ литераторовъ по вопросу о томъ, какое участіе она должны принять на предстоящемъ армянскомъ съѣздѣ въ Петроградѣ. «Мшакъ».

Чествованіе А. Спендіаріанъ.

28 марта въ одной изъ залъ Тифлисскаго Артистическаго Общества состоялся банкетъ въ честь армянскаго композитора А. Спендіаріанъ. На банкетѣ участвовали представители армянскаго и русскаго музыкальнаго міра и общественные дѣятели. Въ рядѣ рѣчей ораторы восторженно говорили о произведеніяхъ талантливаго композитора.

Пожертвованіе.

Какъ передаютъ, братья Сейлановы рѣшили для увѣковѣченія памяти недавно скончавшагося ихъ брата, пожертвовать армянскимъ общественнымъ организаціямъ 25,000 руб. «Мшакъ».

Лекція А. Агароняна.

По словамъ «Аревъ» 1 апрѣля въ Баку состоялась лекція извѣстнаго армянскаго писателя Аветиса Агаронянъ на тему: «Армянская женщина и отечество».

МОСКВА.

Къ вечеру „Общества армянской молодежи".

Московская армянская молодежь, въ цѣляхъ сближенія и болѣе соорганизованной работы, учредила новое общество подъ названіемъ «Общество армянской молодежи».

Оно уже приступило къ своей дѣятельности, устроивъ 22-го марта спектакль-кабаре въ пользу армянъ бѣженцевъ.

Не останавливаясь на отдѣльныхъ исполнителяхъ, ибо къ любителямъ большихъ требованій не предъявляется, мы хотѣли бы обратить вниманіе руководителей молодого общества на характеръ программы этого вечера.

Громадная программа, человѣкъ 25—30 исключительно исполнителей армянъ, громадное большинство зрителей—такъ же изъ армянъ,—почему же отсутствуетъ въ этой программѣ армянское?

Единственный номеръ—«Зейтунскій маршъ»,—былъ исполненъ такъ неувѣренно, что казалось будто стыдятся его пѣть!

Въ настоящій моментъ, когда трагедія несчастнаго армянскаго народа приковала къ себѣ вниманіе лучшихъ людей Россіи, Англіи, Франціи и Америки, крайне заинтересованные армянской жизнью, исторіей, литературой,—издаютъ съ этой цѣлью книги, журналы, переводятъ съ армянскаго и издаютъ цѣлые сборники, посвящаютъ массу статей армянской дѣйствительности,—сами же армяне, будто, чуждаются своего родного!

Армянскій лазаретъ.

Недавно, извѣстный въ Россіи, соло-клоунъ Владиміръ Леонидовичъ Дуровъ далъ въ лазаретѣ московскаго армянскаго общества безвозмездное представленіе для раненыхъ воиновъ.

Интересная работа животныхъ и бесѣда-лекція В. Л. Дурова о гуманномъ отношеніи къ четвероногимъ друзьямъ человѣка оставили неизгладимое впечатлѣніе въ душахъ раненыхъ героевъ.

По окончаніи лекціи солдаты устроили Дурову шумную овацію, а администрація лазарета горячо благодарила лектора за доставленное воинамъ удовольствіе.

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

1) С. Бабіанъ.—Аккорды. Сборникъ стихотвореній на армянскомъ языкѣ. Цѣна 25 к. 1911 г. Александрополь.

2) Іоанесъ Гюльхандапянцъ. — Звенья. (Небольшой очеркъ на армянскемъ языкѣ). Цѣна 10 коп. 1913 г. Вагаршапатъ.

3) Его-же. — «Человѣкъ Перо», (драма въ 3-хъ дѣйстаіяхъ,—на армянскомъ языкѣ. Цѣна 20 к. 1910 г. Вагаршапатъ.

4) Тоганъ Мхитаріанъ. — «Золотые Сны». Сборникъ стихотвореній, на армянскомъ языкѣ. Цѣна 60 к. 1916 г. Нахичевань на Д.

5) Арамаисъ. — «Заря Свободы» (романъ на армянскомъ языкѣ. Цѣна 1 р. 50 к. 1914 г. Тифлисъ.

6) А. Агаронянъ. — Разсказы: «Кусочекъ хлѣбца!». «Пѣтухъ». Переводъ съ армян. В. Бабіяна. Цѣна 10 к. 1906 г. Евпаторія.

7) И. Акураторъ. — «Миніатюры». Переводъ съ латыш. на армян. С. Бабіана. Цѣна 5 к. 1911 г. Новый Нахичевань.

8) «Олива».—Литературный сборникъ армянскихъ беллетристовъ. Въ пользу пострадавшихъ отъ войны). Цѣна 2 р. 1915 г. Тифлисъ.

9) Николай Доменикъ. — «Борьба». Сборникъ стихотвореній на русскомъ языкѣ. Цѣна 30 к. 1915 г. Асхабадъ.

10) Его же.—«Надежда». (Сборникъ стихотвореній на русскомъ языкѣ. Цѣна 30 к. 1915 г. Асхабадъ.

11) Г. И. Теръ-Гукасова. «Экономическіе интересы, Россіи въ Персіи». Цѣна 1 р. 1915 г. Петроградъ.

12) Свящ. Нересъ Эртевціанъ: — «Отвѣтъ архіепископа Мелиkседека Мурадьяна на посланіе Римскаго Папы Льва XIII». (Переводъ съ армянскаго). Цѣна 20 к. 1913 г. Ростовъ на/Дону.

13) Егише Багдасарянъ. — «Сокрушилось зло».—«Заключительный хоръ изъ фэеріи «Артавасдъ». Цѣна 50 к. Складъ изданій: Москва, музыкальная торговля В. В. Бессель и К-о.

14) Его же. «Пусть не поетъ соловей». Съ французскимъ и армянскимъ текстомъ. Цѣна 50 к. Складъ изданій тамъ же.

Редакторъ-Издатель Ив. Т. Амировъ.

Типографія Акц. О-ва «Моск. Издательство» Б. Дмитровка 26.

12 больших книгъ стоимостью въ отдѣльной продажѣ **ДОРОЖЕ 15 руб.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 годъ

(Седьмой годъ изданія).

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Каждая книга — вполнѣ самостоятельный литературно-общественный АЛЬМАНАХЪ 6 р. 60 к. въ годъ съ перес.

Литературно-общественный ежемѣсячный ЖУРНАЛЪ-АЛЬМАНАХЪ.

ИЗДАНІЕ СОВЕРШЕННО НОВАГО ТИПА.

Сохраняя прежній характеръ безпартійно-прогрессивнаго ежемѣсячника, „НОВАЯ ЖИЗНЬ" значительно расширяетъ въ 1916 году программу, увеличиваетъ объемъ, улучшаетъ внѣшность и превращается въ ЖУРНАЛЪ-АЛЬМАНАХЪ. Каждый выпускъ съ совершенно самостоятельнымъ, законченнымъ содержаніемъ, что даетъ подписчику въ теченіе года не 12 №№ журнала, искусственно связанныхъ между собою, а 12 большихъ книгъ, составляющихъ ЦѢННУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ БИБЛІОТЕКУ.

Въ 1914-15 г. въ „Новой Жизни" было напечатано: А. Купринъ „Капитанъ"—М. Арцыбашевъ „Еврей" — Б. Зайцевъ „Богиня".—Н. Олигеръ „Домострой".—С. Городецкій „Сплетня".—Юр. Слезкинъ „Чуліе".—Н. Архиповъ „Темныя воды" (романъ).—Б. Верхоустинскій „Передъ бурей" (романъ).—А. Рославлевъ „Баронъ Курасовъ".—В. Беренштамъ „Записки адвоката".—В. Брюсовъ „Весной".—Г. Чулковъ „Встрѣча".—Гр. А. Г. Толстой „День битвы".—Вл. Ленскій „Въ сѣверныхъ лѣсахъ". — В. Брусянинъ „Христовы братья". — Ал. Вознесенскій „Безсмертная казнь". — А. Гринъ „Больная душа".—Л. Столица „Елена Дѣева".—Г. Чулковъ „Омутъ" и другія произведенія извѣстныхъ писателей.

Въ 1916 г. „Новая Жизнь" будетъ выходить при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 6 р. 60 к., на ½ года—3 р. 50 к. Разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 марта—2 р. 50 к., къ 1 мая 2 р. 10 к. **Пробный альманахъ высыл. для ознакомленія за 1 р.,** налож. плат. 1 р. 25 к. Книжнымъ магазинамъ за пріемъ подписки 5%.

Въ первыхъ альманахахъ напечатаны произведенія Л. Андреева, Арцыбашева, Бунина, Бальмонта, Брюсова, Вяч. Иванова, Куприна, Каменскаго, Криницкаго, Муйтеля, Подъячева, Ремизова, Рославлева, Сологуба, Цензора и др.

Редакторъ-издатель С. Семеновъ.

Редакція: Москва, Леонтьевскій пер., 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1916** годъ.

на литературно-общественную, политическую и экономическую газету

„ГАХАПАРЪ" (Идея).

◆ ◆ ◆

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Тифлисѣ	**на годъ 6 р.**	на ½ г. **3 р. 50 к.**
Въ Россіи	„ **7 р.**	„ „ **4 р. 50 к.**
За границу	„ **8 р.**	„ „ **5 р. — к.**

ЦѢНЫ ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За строку петита на первой страницѣ ...... **10 к.**
На послѣдней страницѣ .... **5 к.**

Отдѣльный номеръ 4 к.

◆ ◆ ◆

Адресъ редакціи и конторы „**ГАХАПАРЪ**":
Тифлисъ, Николаевская, 25.

Подписка на 1916 годъ XXVI г. изд.

на

ежемѣсячный литературно-историческій журналъ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Какъ и въ первыя 25 лѣтъ.

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

будетъ выходить **ежемѣсячными** книгами, съ сохраненіемъ тѣхъ же основныхъ трехъ отдѣловъ, т.-е.

I. **Отдѣлъ современныхъ романовъ**, включающій, всѣ лучшія крупныя беллетрическія произведенія современной міровой литературы.

II. **Отдѣлъ миніатюры и юмористики**, который содержитъ больше 100 новеллъ, юморесокъ, жанровыхъ картинъ и пр., переведенныхъ со всевозможныхъ языковъ.

III. **Отдѣлъ заграничной хроники**, который является какъ-бы журналомъ журналовъ всего міра.

Въ видѣ особыхъ безпл. приложеній будутъ даны:

1. **Великая Европейская война**, Иллюстрированная лѣтопись войны 1914—1915 гг.
2. **Собраніе сочиненій новѣйшихъ англійскихъ корифеевъ:** Киплинга, Хитченса, Хорнунга, Гельсуорти, Беннета, Морисона Крокера, Хуартона и Уатсъ-Дентона.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ годъ **8** р., съ пересылкой и доставкой **9** р., Допускается разсрочка: **4** р. при подпискѣ, **3** р. 1-го марта и **2** р. 1-го мая.

Подробная программа высылается безплатно

Петроградъ, Вознесенскій, 34.

Тип. Акц. О-ва «Московское Издательство». Б. Дмитровка, 26.